

The Frontier Nature of Nostalgic Memory

Amina Sh. Rudi

Omsk State Transport University. Omsk, Russia. Email: amina_rudi@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9154-5289>

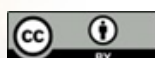
Received: 20 December 2023 | Revised: 15 April 2024 | Accepted: 19 June 2024

Abstract

The research is devoted to nostalgia, understood as an existential and a form of historical memory. The timeless relevance of the problem, which is becoming particularly acute in the space of modern mass culture, the culture of the globalized world, is highlighted. The problem is expressed by the contradiction between the orientation of modern culture towards the future and nostalgic intentions in various spheres of social life. This problem includes the question of the role of nostalgia in the life of the subject. The purpose of the study is to determine the ontological foundations of the modern “cultural turn” to the past in social psychology, and to identify the levels, features and models of nostalgic experiences. Four levels of nostalgia representation in culture are highlighted: individual, group, national and universal. The most recognizable features of nostalgia as a form of memory are considered, such as the existential grasp of being in a nostalgic experience, the non-narrative, symbolic, mythological nature of fixed images of the past, striving for metaphysical authenticity, awareness of the impossibility of returning to the object of longing and simultaneous awaiting of the future, as well as transcending the boundaries of individual being. It is concluded that nostalgia can be both a tool for preserving the existing social order – and changing it, manifesting itself in the form of a static or dynamic model of experiencing longing for the past. The article is intended for researchers of the problems of mass culture, historical memory, and identity of a social subject.

Keywords

Nostalgia; Mass Culture; Globalization; Historical Memory; Time; Past; Existential; Identity; Sociocultural Order; Cultural Practices

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Фронтирная природа ностальгической памяти

Руди Амина Шамильевна

Омский государственный университет путей сообщения. Омск, Россия.

Email: [amina_rudi\[at\]mail.ru](mailto:amina_rudi[at]mail.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9154-5289>

Рукопись получена: 20 декабря 2023 | Пересмотрена: 15 апреля 2024 | Принята: 19 июня 2024

Аннотация

Исследование посвящено ностальгии, понимаемой как экзистенциал и форма исторической памяти. Подчёркивается вневременная актуальность проблемы, приобретающей особую остроту в пространстве современной массовой культуры, культуры глобализованного мира. Проблема может быть выражена, например, противоречием между ориентацией современной культуры на будущее и ностальгическими интенциями в различных сферах социальной жизни от искусства до политики. Эта проблема включает в себя вопрос о роли ностальгических переживаний в жизни индивида и социума. Цель исследования – определить онтологические основания современного «культурного поворота» к прошлому в общественной психологии, выявить уровни, особенности и модели ностальгических переживаний. Теоретический анализ культурных практик позволил выделить четыре уровня представленности ностальгии в культуре: индивидуальный, групповой, национальный и общечеловеческий. В качестве ключевых особенностей ностальгии как формы памяти эксплицированы такие её признаки, как экзистенциальное схватывание бытия в ностальгическом переживании, не нарративный, символический, мифологический характер фиксируемых образов прошлого, устремлённость к метафизической подлинности, осознание невозможности возвращения к объекту тоски и одновременная обращённость к будущему, трансцендирование границ индивидуального бытия. Значение ностальгии определяется, с одной стороны, необходимостью обеспечения устойчивости социального субъекта, соизмеряющего динамику настоящего с установками прошлого, поддерживая преемственность, упорядоченность своего существования. С другой стороны, острота и болезненность экзистенциальной тяги к прошлому обозначает необходимый индивиду или обществу вектор дальнейшего развития. Делается вывод, что ностальгия может быть как инструментом консервации существующего социального порядка, так и его изменения, проявляясь в форме статической или динамической модели переживания тоски по прошлому. Статья рассчитана на исследователей проблем массовой культуры, исторической памяти и идентичности социального субъекта.

Ключевые слова

ностальгия; массовая культура; глобализация; историческая память; время; прошлое; экзистенциал; идентичность; социокультурный порядок; культурные практики

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Актуальность проблемы культурных практик, связанных с состоянием ностальгии, подчёркивается устойчивым на протяжении последних десятилетий академическим интересом к ностальгическим переживаниям и их роли в современной культуре.

Как в зарубежной, так и в отечественной массовой культуре, в медиа- и интернет-пространстве давно наблюдались возвращение и эксплуатация образов, идей, стилей, актуальных в прошлые десятилетия.

Примерами констатируемой ностальгической тенденции в массовой культуре могут служить развлекательные телевизионные проекты и интернет-каналы, актуализирующие стилистику итальянских шоу 70-х годов, советских реалий 80-х годов, российской действительности 90-х годов XX века. С юмором припоминаемые интерьеры, модные веяния, эстрадные композиции и даже острые социальные проблемы прошедшей эпохи призваны вызывать ностальгическую теплоту у широкого потребителя созданного на этой тематической основе культурного продукта. Кинематограф, чуткий к постмодернистской игре смыслами, цитатами, отсылками к прошлому, уверенно развивается в направлении создания ремейков, сиквелов и приквелов. Интерпретация текущего состояния массовой культуры осуществляется в различных коннотациях. С одной стороны, оценка наблюдаемого выстраивается на базе фундаментальной критики культуры и в целом философии эпохи постмодерна, обвиняемых теоретиками уже прошлого столетия в исчерпанности творческого потенциала, отсутствии заметных новых направлений и идей, невозможности эвристических решений в процессе постмодернистских деконструкций. Внимание современных деятелей искусства к XX веку становится в этом контексте понятным: XX век – последний век, в котором было сказано нечто новое в рамках культурного модерна, философии нео- и постпозитивизма, экзистенциализма, конструктивизма. С другой стороны, тяготение к переосмыслению и повторению созданного ранее может быть расценено как признак культурных репродуктивных практик, исследуемых, например, Э. Гидденсом с позиции воссоздаваемого ими в индивидуальном и общественном сознании образов онтологической безопасности. Обращённость к прошлому целесообразно таким образом идентифицировать как сигнал неустойчивости человека в настоящем, возможности спасения субъекта от тревожности и надёжный механизм повторения знакомых паттернов.

Сложность понимания ностальгического характера культурных процессов определила цель данной статьи – очертить перспективы концептуализации ностальгии как формы исторической памяти. В соответствии с этой целью представляется необходимым обозначить онтологические основания наблюдаемого в общественной психологии «культурного поворота» к прошлому, выявить специфику ностальгических переживаний, а также уровни их пред-

ставленности в пространстве культуры, прояснить направленность социальных изменений, обусловливаемых ностальгическим экзистенциалом. Исследовательская гипотеза сводится к пониманию ностальгии как варианта выражения исторической памяти, проникнутого явственным эмоциональным посылом к изменению существующего уклада жизни ностальгирующего субъекта, к переосмыслению фронта культурного порядка.

Ностальгия как тоска по утраченным пространству и времени и связанному с ними порядку

Ностальгия представляет собой один из способов ощущения субъектом себя и окружающей реальности во времени.

Хорошо изучены индивидуальные особенности восприятия человеком длительности процессов и протяжённости вещей. Время и пространство как априорные формы чувственного созерцания обеспечивают, согласно И. Канту, базовую способность человека к познанию мира. Описываемая И. Кантом природа пространства и времени субъективна, с одной стороны, и объективна (аподиктически всеобща) – с другой. Субъективность этих формальных принципов заключается в их априорности (до-опытности), делающей возможным всякое внешнее впечатление. Это задаваемые самим человеком, природой его мышления ориентиры в действительности. Объективность пространства и времени состоит в их эмпирической реальности, безотносительной к человеческому сознанию (Ойзерман, 2009, с. 8). Они предзаданы мыслящему субъекту независимо от его воли, выступая общими для людей координатами существования, сводимыми к унифицируемым единицам измерения. Кантианская трактовка пространственно-временного континуума некоторыми философами принимается за методологическую основу понимания возможности конструирования человеком порядка существования.

В философско-культурологическом дискурсе особо значимо, что оба параметра мироощущения не сводимы исключительно к физическим координатам реальности материальных предметов, в которую мы вписаны своей телесностью, а наполнены культурными смыслами, имеющими, в свою очередь, конкретно-исторический характер. Определённым образом связанные между собой культурные смыслы в пространственно-временных границах образуют устойчивый порядок понимания социальной жизнедеятельности. Некоторыми исследователями даже усматривается лингвистическая связь понятий границы – “Border” – и порядка – “Order” (ordo, lat.), хотя Border явным образом происходит от «борт», «бордюр». (Ульрих, Троицкий, 2019, с. 236). Ю. М. Лотман подчёркивает, что «всякое существование возможно лишь в формах определённой пространственной и временной конкретности» (Лотман, 2000, с. 257), а на характер моделирования мира в человеческом сознании влияют константы движения небесных тел, начиная с вращения нашей планеты. Особая пространственно-временная структура, по мысли

автора «Семиосферы», требуется сознательной человеческой жизни и жизни культуры. Без пространственно-временной самоорганизации культура не существует (Лотман, 2000, с. 259).

Исторически обнаруживается многообразие сменяющихся и по-разному переосмысливаемых порядков. Семиосфера культуры не только очерчивается фронтами, отделяющими её от внешнего пространства, но и пронизана насквозь «границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов» (Лотман, 2000, с. 263). Так, при анализе культурных процессов отдельных исторических эпох обнаруживаемая культурная многоукладность, многопорядковость могут создавать границы внутри одного века (Нефёдова, 2019, с. 182–209). Поскольку социокультурный порядок всегда вписан в определённые пространственно-временные границы, постольку потребность в изменении наличествующего уклада обуславливает устремлённость субъекта к другим временам и местам. Актуализация пережитого опыта, сопряжённая с желанием вернуться к прошлому, может быть рассмотрена как пограничное, «фронтирное» состояние субъекта, устремлённого к преодолению порядкообразующих границ. Такая – фронтирная – форма памяти не столько пассивно сохраняет в сознании человека пережитое, сколько активно направляет на возрождение уже не существующего, на переопределение данных здесь и сейчас социокультурных структур и процессов.

Время как «абсолютно первый формальный принцип чувственно воспринимаемого мира» (Кант, 1994b, с. 298) маркирует образами памяти осмысливаемую субъектом текущую реальность как согласующуюся с представлениями о социальных нормах и собственной идентичности или переставшей им соответствовать, противоречащей им. Ценностно-нормативное ориентирование во времени сопровождается знаковыми эмоциональными переживаниями. Согласно словарю А. Конт-Спонвиля, примерами таких переживаний служат соотносимые друг с другом ностальгия, сожаление, благодарность и надежда. Ностальгию французский философ определяет как «ощущение отсутствия прошлого в том виде, в каком оно было», отличая это ощущение от сожаления, «вызванного отсутствием того, чего не было» (Конт-Спонвиль, 2012, с. 360). Оба переживания противостоят благодарности как «признательной памяти о том, что было, ощущаемой в настоящем радости от прошлого» и надежде – своеобразному «предвидению ностальгии», «недостатку желаемого будущего, как ожиданию того, что ещё может случиться» (Конт-Спонвиль, 2012, с. 361). Ностальгия как чувство утраченного времени, по А. Конт-Спонвилю, первична в перечне указанных переживаний, а благодарность в этом перечне отмечена как добродетельное чувство обрётённого времени (Конт-Спонвиль, 2012, с. 68).

Специалистам хорошо известна история формирования понятия ностальгии, использовавшегося вначале в качестве медицинского диагноза и претерпевшего ряд смысловых переопределений в юридическом, философском и психологическом дискурсах. Сфокусируемся на интенции возврата, отражённой в самой этимологии слова «ностальгия» (от др-греч. *nostos* –

возвращение, *ālgos* – боль, печаль), и коррелирующей с принципами семиотического самосохранения культуры. Будучи «одной из форм коллективной памяти», культура «сама подчинена законам времени, одновременно располагает механизмами, противостоящими времени и его движению» (Лотман, 2000, с. 616). Болезненность ностальгического импульса не позволяет социальному субъекту бездумно мириться с насущной реальностью, устремляя внимание человека к былому, утраченному положению вещей. Чем меньше социальный порядок удовлетворяет человека, тем чаще и острее ощущается необходимость обращения к прошлому, вспоминания исходных установок и позиций. Диалектика сохранения и развития, преобразования существующего уклада жизни может быть выражена символами дома и дороги, одинаково значимых в человеческой экзистенции (Чеснокова, 2022).

Граница между прошлым и настоящим – нетривиальная проблема. Механизм часов, демонстрирующий некоторые изменения, например, смену положения внутренних шестерёнок, приводимых в движение распрямлением пружины, или пропускание электрического заряда в кварцевом устройстве, не измеряет, строго говоря, само время. Смена социального времени привязана к качественной смене условий социальной жизни, к событиям, дробящим процесс существования общества на «до», «после» и «между». Несмотря на принятые нормы систематизации философских учений в историко-хронологическом порядке, мы понимаем, что Гераклит и Пифагор не называли себя досократиками, Фома Аквинский и Аврелий Августин – средневековыми философами, а Ж. Бодрийяр и М. Фуко – постмодернистами. Смена стилей и объектов мышления, соотносённость философских теорий друг с другом создают вехи интеллектуальной истории.

Осмысление хода времени происходит по свершению значимых событий, с явственным окончанием определённого периода и пониманием, что так, как было привычно, теперь не будет. Необратимость этого завершения делает определённую часть индивидуальной и социальной жизни прошлым. Прошлое, будучи завершённым, должно иметь непротиворечивую специфику в сравнении с настоящим, в привязке к кардинальным изменениям порядка социальной жизнедеятельности. В этом смысле прошлое – не модус субстанционального времени, а пережитое, преодолённое состояние событийной природы. Календарное прошлое десятилетие может быть не прошлым, а длящимся сейчас настоящим (мы продолжаем придерживаться тех же культурных ориентиров, делаем то же дело, говорим о нем: «В нашу эпоху, в настоящее время»), при том, что календарный вчерашний день может быть оставлен в прошлом, если мы вчера безвозвратно ушли откуда-то, навсегда отказались от чего-то. Выпускные вечера оставляют в прошлом индивидуальное школьное детство и студенческую юность, бракосочетание оставляет в прошлом холостяцкую жизнь, индивид во всех случаях переходит в иной социальный статус, к иному порядку жизнедеятельности. Завершение отдельной вехи в жизни субъекта означает, что прежний ритм и образ суще-

ствования необратимо прекращены, утрачены, в то время как ряд ритуалов повседневности вполне может быть продолжен, поэтому время даже на примере одной индивидуальной жизни в своих модусах неоднородно, его неоднородность – неопровержимый факт социокультурной жизни, гетерогенной, осуществляемой различными акторами деятельности в многообразии их социальной, культурной, ролевой идентичности. Внешние масштабные обстоятельства могут сохранять своё постоянство («солнце светит и растёт трава») как фон серьёзных изменений индивидуального существования («когда твоя девушка больна»). И наоборот, социальный субъект может целенаправленно придерживаться обыденной рутины, за пределами которой разворачивается масштабная социальная катастрофа.

Разговор о прошлом всегда инициирован задачами настоящего, определяет не подлежащее забвению. Прошлое отчуждено, не свойственно нынешнему рефлексизирующему субъекту, но принципиально значимо для проживания настоящего и планирования будущего. В прошлом субъект был другим, но не чужим себе нынешнему. Чужое, полагаем, должно быть предано забвению и не реконструируемо в настоящем. Если чужое не предано полному забвению, то практиками воспоминаний оно очерчивается как не допустимое к повтору. В истории любого народа есть трагичные периоды, осмысливаемые, например, как результат ошибочных решений. Эти решения не согласуются как минимум с траекторией нынешнего развития социума, как максимум – с ценностями, декларируемыми современным человечеством в той мере, в какой их можно унифицировать.

В своём культурном настоящем сообщество может столкнуться с трудно принимаемыми или неприемлемыми феноменами, как порождёнными самой культурной средой в ответ на изменения во времени, так и привнесёнными извне, в ходе межкультурных коммуникаций, неизбежных в глобальной современности. Фактически на этапе своего становления любое новое культурное образование для отдельных социальных субъектов оказывается противоположным привычному положению вещей, порождая антиномии. Эмоциональный ресурс ностальгии в таком случае обращает к прошлому, в котором чувствуется наличие принципиально ценного, неоправданно отчуждённого в настоящем.

Современное разнообразно дифференцированное, «мелкодисперсное» общество включает человека одновременно во множество сообществ соответственно индивидуальному набору идентичностей: профессиональной, религиозной, территориальной, культурной, этнической, национальной, психофизиологической (см., например, Ковалёва, 2019). Социальный субъект – будь то индивид или сообщество – неизбежно взаимодействует с чем-то чуждым, зачастую объединяясь с носителями иных мировоззренческих, политических, эстетических и даже этических убеждений и ориентиров, укрепляясь при этом в границах своей самости: «Именно Чужой является тем самым отражением,

в котором выкристаллизовываются характерные для социума черты» (Алиев & Якушенкова, 2022, с. 285–286).

В глобализованном пространстве современной культуры границы могут ожидаемо размываться, становиться условными. Союзы государств, упрощающие отношения граждан и организаций на своих территориях, транснациональные корпорации, функционирующие в разных странах с разными правовыми и общекультурными реальностями, информационные и виртуальные социальные сети, занимающие значительное место в жизнедеятельности миллиардов людей, значительная унификация образа жизни у представителей современного человечества, – все это и многое другое свидетельствует о том, как условны, пластичны и порой неразличимы становятся границы, прежде всего, между разными странами и их культурными системами. Недаром в фантастической литературе XX века, отражающей понимание писателями глобалистических тенденций, будущее зачастую предстаёт как время единения людей планеты. XXI век обнаружил множество противоречий между различными культурными и политическими системами, обнажив глубинные проблемы за кажущимся устойчивым развитием и укреплением общечеловеческой целостности. Понятие границ приемлемого и недопустимого, поощряемого и отменяемого, выгодного и убыточного становится фактически культурной универсалией. При этом «характеристики границы не являются универсальными, – наоборот, они меняются во времени и пространстве, определяются политической конъюнктурой, экономическими и историческими обстоятельствами, государственным устройством, формой правления, личностью правителя, уровнем экономического и технического оснащения, размерами государства, климатом, особенностями культуры и много чем ещё» (Ульрих & Троицкий, 2019, с. 237).

Расширение горизонта культуры, временных и пространственных пределов существования является в некотором роде способом укрепления и обоснования этой культуры. В культурных практиках коммеморации коллективный рефлексирующий субъект, стремясь к историческому укоренению, пытается установить генетическую связь с каким-то из древнейших этносов, рассказать, насколько далеко от зоны нынешнего проживания уходили предки, как долго ведут летоисчисление, осознавая свою историю и себя как отдельную культурно-историческую целостность. Эти ностальгические практики не служат исторической истине, а призваны раздвинуть фронт культуры до масштабов, отвечающих идентификационным запросам представителей данной культуры. Здесь явлен смысл «фронтра» как термина, который «напоминает о чем-то прошлом, потерянном и забытом», заключая в себе при этом «аспект подвижности» (с. 241).

Насколько самость, формируемая субъектом, совпадает с идентификацией субъекта сторонними, другими субъектами, насколько она истинна – это вопрос о возможности истины и вопрос о самосознании. Значимо в данном случае то, что ностальгия явственно определяет интенцию подлин-

ности. Молодые нации испытывают резонное желание быть полноценными акторами на международной арене (в политико-экономическом, социокультурном пространстве) и нуждаются в концепте национального прошлого как инструменте подтверждения основательности собственной сущности. Надо понимать, что вопрос об идентичности вписан в философскую проблематику человеческой самости, самоидентификации, постоянства мыслящего субъекта, поиска личностью самоопределения. Рассматриваемая в метафизическом ключе, идентичность априорно отсутствует, является неопределённой, не наличествует естественно. Сама по себе возможность философской рефлексии идентичности обуславливается проблемой самосознания человека – существа с нулевой сущностью.

Ностальгия может формировать иллюзорную идентичность (самоидентификацию) с позиции внешнего идентифицирования. Со стороны рефлексирующего субъекта – это определённый запрос на истинное, не обнаруживаемое в границах наличествующей культурной реальности. Ностальгия в таком понимании – голос совести, выводящий мыслящего субъекта во фронтирное пространство между сущим и должным, где должное имеет символ утраченного места и времени, чего-то, что уже было познано и определяло сущность субъекта, насколько последняя возможна в полноте и адекватности самопознания. Ностальгия в таком случае является экзистенцией – модусом существования человека, в котором «схватывается» бытие.

Ностальгия как эмоциональный импульс обращает к смыслам, значениям, а не к ситуации прошлого как таковой. Этим обуславливается методологическая специфика исследовательского внимания к ностальгии как форме памяти. Воспроизводимое в ностальгических образах может быть исторически не репрезентативным, но с точки зрения осмысления субъектом собственной идентичности в горизонте настоящего и будущего ностальгия является надёжным маркером духовных потребностей субъекта культуры.

Следуя традиции, можно рассматривать по предмету запоминания и воспроизведения четыре вида памяти: двигательную, образную, словесно-логическую и эмоциональную (Зинченко, 1967, с. 202). Ностальгия в рамках приведённой классификации может быть отнесена к проявлениям образной и эмоциональной памяти. Чувственные образы целостных предметов и явлений, а также отдельных их свойств формируют содержание образной памяти, в которой различают соответственно органам восприятия память зрительную, слуховую, обонятельную, осязательную, вкусовую. Эмоциональная память запечатлевает чувственные переживания, связанные с событиями прошлого. Оба вида памяти сугубо субъективны, не историчны в строгом смысле слова, но делают прошлое «живым», проникнутым личностной значимостью. Ностальгическое чувство служит своеобразным индикатором недоверности, неестественности происходящего, напоминая о ценностях и собственной аутентичности мыслящего субъекта, напрасно оставленных в прошлом. Так, например, ностальгия по детству, детским мечтам, чувствам,

ощущениям, знакома с определённого момента жизни каждому взрослому человеку. При этом понятно, что детство не бывает абсолютно беззаботным, оно всегда содержит опыт небезболезненного становления личности, и в прямом смысле слова вернуть свои детские годы со всеми их страхами, разочарованиями и зависимостью от других мало бы кто хотел.

Уровни, особенности и модели ностальгии

В логике научного исследования разъяснение природы объекта предполагает анализ его специфических признаков с целью дать определение и типологизацию.

Анализ культурных явлений, прежде всего в области искусства, позволяет выделить четыре уровня ностальгических переживаний, в зависимости от свойств ностальгирующего субъекта. Рассмотрение уровней представленности ностальгии в культуре позволяет одновременно выявить особенности данного отношения к прошлому.

1. Ностальгия как феномен индивидуального внутреннего мира давно знаком и понятен. Герои Гомера в «Одиссее» тоскуют по родным землям, шведский врач И. Хофер описывает клиническую картину ностальгической болезни у солдат вдали от дома, К. Ясперс анализирует склонность ностальгирующих к преступным деяниям в мечте о возвращении на родину. Символизм и экзистенциальная природа ностальгии побуждают обратиться к отличиям этой формы памяти, обнаруживаемым рефлексией художественного сознания.

Так, в фильме «Калина красная» герой В. М. Шукшина вор-рецидивист Егор по кличке «Горе» без всякой, казалось бы, подоплёки с точки зрения зрителя, привозит женщину, с которой был в переписке в годы заключения, и к которой, вероятно, готов проникнуться доверием, в дом матери, где не был с юных лет. Мать, похоронившая троих сыновей в войну, ждущая и ищущая в меру возможностей почти двадцать лет младшего сына, не узнает Егора, а у Егора нет сил ей открыться и нет сил досидеть в избе до конца инициированной беседы. Разрываемый жалостью и болью тоски, он выходит из дома, падает в рыданиях на землю. Здесь прекрасно показано ключевое в ностальгии, прежде всего то, что ностальгия – не нарративная форма памяти. Ностальгическое переживание не определяет в приводимом кинематографическом примере биографическую идентичность субъекта. Ностальгическая память не включает материнский дом и деревню детства в повествовательную связь времён, определяющую цели и средства нынешней жизнедеятельности Егора. Ностальгия предполагает разрозненность образов, своеобразные «всполохи» воспоминаний, относящихся к периферии, своеобразной фронтальной зоне памяти. Зачастую ностальгические образы – это отдельно всплывающие воспоминания об ощущениях: запахах, звуках, формах, фактурах. Так, в романе М. Пруста «По направлению к Свану», начинающему цикл книг «В поисках утраченного времени» есть образ чашки чая, предложенной герою

и напомнившей ему другое предложение другой чашки чая в годы очень отдалённого прошлого, которое моментально всплыло как бы из чашки чая во всех деталях обширной географической местности (Пруст, 1999, с. 88–91). У И. А. Бунина в рассказах и повестях периода эмиграции тоска по родине перетекает из запаха и звуков яблоневого сада к тактильным ощущениям от кожаных переплётков книг в библиотеке старой усадьбы к полноте образа утраченной Родины (Фокина, & Сыроватко, 2021, с. 167).

Вторая ключевая особенность ностальгии явлена в анализируемом фильме В. М. Шукшина кинематографическим контрастом короткого щемящего эпизода встречи героя с матерью, открывающего чистоту человеческих образов и глубину душевных переживаний, со своеобразной «пенной» суетной активности Егора, будто не знающего, что делать со своей волей. С одной стороны, он – не простой русский мужик, не идеальный герой, он – вор, и ведёт себя как вор: после освобождения уходит в загул, встречается со своими старыми подельниками, строит с ними очередные тёмные планы, берёт у них деньги, – все это создаёт тревожное напряжение в кадре. Любу Байкалову, обжёгшуюся уже в жизни, но не озлобившуюся, с её честным братом, старенькими, но твёрдыми в убеждениях родителями, искренне жаль. Егор ей не пара. С другой стороны, В. М. Шукшиным показан персонаж значительной личностной глубины. Контрастность сцены возвращения в материнский дом с другими эпизодами фильма эксплицирует *устремлённость ностальгии к метафизической подлинности*. Ясно, что все метания персонажа – пустая маята в поисках неподдельного. Возвращение, пусть и такое, есть обретение подлинности. Память, наверняка ранее заглушаемая героем, обнажает острую *конфронтацию между сущим и должным*. Понятие фронта, привлекаемое для раскрытия природы ностальгии, содержит в себе указание на зону разделения двух разных, фактически противостоящих друг другу ценностных порядков, на пограничное пространство, характеризующееся неустойчивым равновесием (Ульрих & Троицкий, 2019, с. 240–241).

Третья характеристика и причина болезненности ностальгической тоски заключается в *невозможности возвращения к корням*. Прошлое вообще не подлежит возврату: время необратимо, само видение прошлого конструируется и переконструируется, исходя из данных настоящего. По мысли М. Хальбвакса, представленная в воспоминании реконструкция прошлого подготовлена «предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину» (2005, с. 33). И. Кант, говоря о ностальгии как болезни, констатирует неизбежность разочарования возвращающихся на родину, обманывающих себя мыслью о произошедших там изменениях. Истинная же причина неизбывной тоски заключается в том, что ностальгирующие не властны вернуть свои молодые годы (Кант, 1994а, с. 201). Корни ностальгической боли уходят в *понимание человеком своей смертности, необратимости хода жизни*. Суть ностальгии заключается не столько

в непреодолимой тоске по прошлому, дому или корням, сколько в заключённом в ней исконном вопрошании о будущем: “*Quo Vadis?*” (или «*Камо грядеши?*», коль скоро сцена плачущего от встречи с матерью Егора Прокудина снята оператором на фоне старого православного храма). Испытываемая боль тоски по подлинному заставляет задуматься о том, куда мы идём, и в приводимом кинематографическом примере маята шукшинского героя прекращается, у него складывается понимание необходимого ему будущего.

Ещё одна особенность ностальгического экзистенциала заключается в *трансцендировании самим переживанием пределов индивидуального бытия*. В конечном итоге ностальгия как тоска по подлинному обращена к бытию вообще и к бытию человечества в частности. В одноимённом фильме А. А. Тарковского ностальгия побуждает персонажа О. И. Янковского совершить знаковый совершенно иррациональный ход с зажжённой свечой по высохшему бассейну не только для избавления от внутренней тоски и боли, но для спасения мира. Пронизывающая все творчество А. А. Тарковского тема ностальгии выписана в его фильмах узнаваемыми ёмкими символами пространства (от отчего дома, снимаемого или вспоминаемого героем, до памятников архитектуры, ставших достоянием общечеловеческой культуры) и времени (от детства героя и ветхозаветных истоков человечества до образов вечности).

2. Помимо индивидуальной ностальгии в истории человеческой культуры явственно отмечается *групповая ностальгия* – тоска по родине или прошлому определённого сообщества, некоторого круга людей. Отдельным достоянием русской культуры является творчество деятелей так называемого «русского зарубежья» – эмигрантов, покинувших советскую Россию на «философском пароходе» или в последующие годы. На примере ностальгии представителей русской эмиграции начала XX в. выявляется пятая в нашем перечне особенность ностальгической формы памяти – *мифологичность* тоски по утрате того, чего не было. В ностальгии объектом служит символический образ, субъект не испытывает настоящей потребности детального восстановления утраченного. Так, И. А. Бунин, представитель первой волны эмиграции, прожил в России достаточно сложные годы молодости, был пессимистичен, терзался из-за бедности и того вида профессиональной деятельности, который позволял иметь заработок, но не был истинным способом реализации таланта. Прежнюю, дворянско-усадебную Россию, трепетно описываемую И. А. Буниным в эмиграции (например, в «Любви Артемьева»), писатель не успел узнать, и в таком виде, вероятно, она никогда не существовала. Ещё до эмиграции о И. А. Бунине говорят как о писателе, тоскующем по уходящей эпохе (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина, 2011). Сам о себе он писал: «Печаль пространства, времени, формы преследует меня всю жизнь.

И всю жизнь, сознательно и бессознательно, то и дело я преодолеваю их» (Цит. по: Бунин, 2021, с. 69).

3. В качестве коллективного, национального феномена ностальгия характеризует общество модерна, и её появление как масштабного социального явления сопряжено с унификацией общества, появлением досуга и массовой культуры. Для глобализованной реальности ностальгия – отражение интенции региональной идентичности. Актуализация в массовой культуре героических фигур фольклора, отечественной военной, научной, культурной истории в такой реальности понятна и закономерна. Субъекту современного общества, устремлённого к светлому прогрессивному будущему, казалось бы, не должно оглядываться назад без риска разделения с женой ветхозаветного Лота её страшной участи. Однако именно наше время стало эпохой «всемирного торжества памяти» (Нора, 2005), «глобальной эпидемии ностальгии» (Бойм, 2019, с. 16) и «ретротопии» (Бауман, 2019). Онтологические основания современного «культурного поворота» к прошлому в общественной психологии и идеологии видятся в ускорении изменений, переживаемых обществами, и затрудняющих процессы адаптации людей в этих меняющихся обществах. Сведение глобального пространства к неестественному единообразию провоцирует активность тенденций глокализации, поиску самости и защиты аутентичных культурных скреп во всех странах мира. С прошлого века переосмыслены модернистские мифы о линейности развития мира, гомогенности мира, об историческом прогрессе. Свидетельством недостаточности этих концептов в том числе становится ностальгический экзистенциал, маркирующий культуру современного мира.

4. Ностальгия в максимальном пределе может быть рассмотрена как общечеловеческий феномен. Румынский философ культуры М. Элиаде говорит о «ностальгии по раю», пронизывающей историю человечества, которое осознает свою изгнанность из эдемского сада, оторванность от истоков (Элиаде, 1999, с. 349–353). Ностальгия общечеловеческого уровня коррелирует с онтологической трактовкой ностальгии как сути философствования и стремления человечества обрести дом бытия, согласно фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (Хайдеггер, 2013, с. 28–30). П. Рикёр, в размышлениях о проблемах истории в соотношении с природой памяти и забвения, отмечает, с отсылкой к идеям Э. Кейси, естественность ностальгического стремления человека «водворить вещи на свои места» (2004, с. 206).

Специфика ностальгии в современной культуре раскрывается в её связи со стихийно сформированным запросом общества, с одной стороны, и направлениями культурной и социально-экономической политики – с другой. Профессор университета Хильдесхайма Юлиана Брауэр, изучая политическое содержание чувства родины и размышляя над оценкой Европы как «континента ностальгии», отмечает широкий контекст проблемы ностальгирования европейцев по тому прошлому, когда «было лучше», без прямой связи описываемых переживаний с пространственно-временным восприятием. В данный

контекст профессором включены скептическое отношение европейцев к мигрантам, озабоченность своей безопасностью перед террористическими угрозами, тревожность по поводу изменения климата, риторика сохранения европейской идентичности и солидарности (Brauer, 2021). Эта обеспокоенность отмечается у людей, не покидавших дома, поэтому исследователи европейских ностальгических настроений резонно упоминают термин солостальгии, введенный Г. Альбрехтом, для обозначения тоски по дому у того, кто находится дома (Albrecht, 2019). Нынешняя европейская политика памяти призвана оправдать надежды людей на преодоление кризиса общеевропейской идеологии (Семененко, 2020).

Перспективным представляется взгляд на ностальгию как на ресурс индивидуального и коллективного сознания. Индивидуальное проживание ностальгии – свидетельство способности влиять на настоящее, проектировать будущее, иметь опыт, укрепляющий индивида устойчивыми целями и ценностями. Память вообще создает возможность осмысления человеком и группой себя как субъекта, сумевшего что-то пережить, преодолеть. Ю. Брауэр ссылается на исследователей, подчёркивающих позитивное значение ностальгического переживания как светлого, вселяющего надежду чувства, своеобразного «защитного плаща души» (Brauer, 2021, s. 162).

Говоря о ностальгии как коллективном ресурсе, резонно обратиться к исследованиям политэкономии повседневности И. Калинина, назвавшего стратегию развития России в начале XXI в. «ностальгической модернизацией» – идеализацией солидаризирующего патриотического прошлого в рамках официального курса стремительного социально-технологического развития общества (Калинин, 2010). Такой ясный идеологический посыл выражает позицию принятия прошлого, его гармонизацию с обозначением линий преемственности без разрывов, отвечая стихийно возникшей и поддержанной в обществе ностальгии по советскому, как реальности, в которой лично сформировалась значительная часть нынешнего населения России, знавшего чувство гордости за сильное и крепкое государство. Проявлением этой ностальгии является разнообразие образов современного отечественного социокультурного пространства, таких как «советское качество» (сравнение с которым стало маркетинговым ходом в рекламе различных товаров широкого потребления для указания на их надёжность, долговечность), «слава отечественного спорта / балета», «георгиевская лента / Z». Ностальгические образы перекликаются с возобновившейся тенденцией героизации представителей отечества во всех сферах общественной жизнедеятельности, память о которых восстанавливается средствами, прежде всего, кинематографа. Создание героического «эпоса», хранение памяти о героях и героических событиях подчёркивается как неотъемлемая часть необходимых коммеморативных практик практически всеми мировыми исследователями коллективной памяти и культурной идентичности. Дань уважения подвигам предков предполагает чувство долга перед прошлым, выражаемое в готовности чтить

традиции. В современном отечественном массовом коммуникативном пространстве рефлекслируемое чувство невыполненного долга породило ироничное «Прости нас, Юра! [Мы все испортили]», сопоставляющее примитивные проявления обывательской натуры в реалиях современной повседневности с подвигом первого покорителя космоса.

Отдельный формат ностальгических образов – личные воспоминания, опредмеченные в общих для всего социокультурного контекста инвариантах. Е. В. Рягузова рассматривает такие объекты индивидуальной и общекультурной памяти на примере семейных фотоальбомов, всегда в рамках поколений и культурной среды имеющих общую логику организации. Действительно, для отечественной культуры памяти в разных семьях фотоальбомы имеют жанровое сходство сюжетов: «постановочные статуарные портреты членов семьи, фотографии из предновогоднего детского сада девочек-снежинок и мальчиков-зайчиков, курортные фото с обязательным обозначением места и даты отдыха, коллективные выпускные фотографии на крыльце школы, во время праздничной демонстрации как мозаичные фрагменты и беспристрастные свидетельства прошлого воссоздают культурные коды и целостный образ эпохи 70-х годов» (Рягузова, 2019, с. 64). В рамках согласия с автором данного исследования напрашивается уточнение, расширяющее хронологические рамки указанной эпохи: подобные фотографические традиции охватили все последние десятилетия XX в. и отмечаются как ностальгические аллюзии в текущем веке.

Необходимо отметить, что ностальгические символы формируются естественными низовыми культурными практиками, становясь феноменами общественной психологии, солидаризирующими социум и стабилизирующими общественные настроения. В то же время низовые настроения могут угадываться и культивироваться в государственных коммеморативных практиках, находя в культурном пространстве образцы и алгоритмы артикуляции. Такие примеры дают основания для положительной оценки эффективности осуществляемой политики памяти, политических технологий, ориентирующих граждан посредством определённых ностальгических образов на формирование гражданского самосознания и культурную интеграцию. Без грамотного осуществления такой работы на государственном уровне невозможны формирование культурной идентичности сообщества, интеграция социальной системы, создание условий культурной безопасности.

Если официальная идеологическая работа с памятью не соответствует низовым ностальгическим настроениям, то она остаётся всего лишь частью неподлинного, не принимаемого настоящего. Целевая аудитория идеологов, как всегда бывает в таких исторических ситуациях, отчуждается от происходящего, вынужденно и формально изображая свое присутствие в нем.

Ностальгические интенции относительно их перспективной ориентации могут быть представлены в социальном пространстве двумя моделями, которые допустимо обозначить как статическую и динамическую модели.

Статическая модель ностальгии вызывает наибольшее внимание учёных, изучающих коллективную память. Именно она проявлена, например, у коренных европейцев в их стремлении противостоять разрушению традиций, возвратиться к одноукладному порядку социальной жизнедеятельности, возродить чувство принадлежности к мононациональной культуре (Brauer, 2021). Как констатируют исследователи европейского общественного сознания, ссылаясь, в частности, на опыт испытания европейского единства пандемией COVID-19, «в трудной ситуации национальные “квартиры” оказываются ближе общеевропейского “дома”. Реальностью остаётся и “разделённая память”» (Семененко, 2020, с. 25).

Консервативные смысловые тенденции естественны и узнаваемы в работе памяти, в осмыслении настоящего и прогнозировании будущего, но не исчерпывают ностальгической семантики. Помимо статической модели, очевидно, в культурно-историческом пространстве существует динамическая модель ностальгии. В ситуациях, когда сложившийся общественный порядок (в силу его негибкости, неадаптивности, несоответствия ходу времени) не удовлетворяет требованиям исторической необходимости, социальный запрос на перемены может выражаться в тоске по прошлому, ассоциируемому в свою очередь с кардинальными позитивными историческими изменениями. Объектом ностальгии может в таком случае выступать молодость со свойственными ей личной смелостью субъекта, предвосхищением большого будущего и широкими возможностями. Общее восприятие молодости в мажорном духе отражается на идеализации памяти о частных составляющих этого прошлого, прежде всего – образах людей того периода:

«Да, были люди в наше время,
 Могучее, лихое племя:
 Богатыри – не вы» (Лермонтов).

Динамическая модель ностальгии апеллирует к памяти об исторических периодах великих государственных прорывов, модернизации общества, знаковых реформ, – всего, что может в индивидуальной памяти связываться с духом свободы и радостных перемен.

Индивидуальное проживание экзистенциала тоски по прошлому, стремления к метафизическому возвращению обращает внимание на то, что образы одного и того же прошлого многообразны, могут перетекать из одного социокультурного порядка в другой, преодолевая своеобразные фронтальные линии, семиотические границы индивидуального и социального существования. Здесь уместно предостережение британского социолога Дж. Урри воздерживаться от попыток представления национального культурного наследия в статичном виде, как это свойственно, по мнению Дж. Урри, европейским музеям (Urry, 1996). Наследие – это конструируемый в текущем моменте процесс. Мы сейчас творим свое прошлое, каждой секундой жизни увеличивая его, или как замечает Ф. Ницше, «наше существование есть непрерывный уход

в прошлое» (Ницше, 2013, с. 89). И так же в своем настоящем мы дешифруем культурные коды прошлого в зависимости от имеющихся у нас культурных возможностей. Анализ такой дешифровки в зависимости от установки на экспликацию исторического разлома или исторической преемственности осуществляет С. Л. Ивашевский:

«В первом варианте символический ряд прошлого порядка будет идеализироваться (романтизм, благородство, нравственность, имперское величие – для XIX в.; стабильность, правопорядок, патриотизм, справедливость – для советского этапа XX в.) при развитии негативных тенденций в жизни современного социума, либо подвергаться беспощадной критике (бесправие, эксплуатация, неравенство – для XIX в.; тоталитарность, идеологизация, бюрократизация, дефицит – для советского этапа XX в.)» (Ивашевский, 2022, с. 237).

Выводы

Культурологические и философские исследования ностальгической тенденции предлагают объяснительную альтернативу теориям рационального выбора. Согласно последним, люди в своих действиях исходят из логически выверенных взвешенных решений, выстраивая иерархии своих потребностей и интересов. Ностальгия относится к иррациональным факторам поведения социального субъекта. Анализ культурных практик обнаруживает, например, что ностальгическое потребление провоцирует человека на приобретение несовременного, морально и физически устаревшего. Ностальгическое в идентификации (прежде всего в гражданской, в рамках национально-государственной целостности) возвращает к, казалось бы, политически и социокультурно отжившим себя формам организации общества. Методологическая опора на классическое кантiansкое понимание времени как субъективной формы восприятия миропорядка и аподиктически всеобщей координаты существования людей, с одной стороны, а также на трактовку культуры как формы коллективной памяти Ю. М. Лотманом, с другой стороны, позволяет говорить о конструируемости и вариативности модусов времени, упорядочивающих существование социального субъекта. Прошлое оценивается в условиях настоящего, раскрывая одни и те же исторические феномены в прямо противоположных коннотациях.

Ностальгия в современной культуре – не проявление эскапизма, не иллюзорное бегство к утраченному времени жизни. Экзистенциальная интенция возврата к прошлому выполняет в современной культуре исторически свойственную ей функцию конструирования смыслов, определения ориентиров социального развития, поддержания ценностной преемственности в динамике социальной жизни. Культурные практики работы с памятью до возникновения общества модерна определяли стратегии настоящего и будущего, что обеспечивалось механизмами традиции. В обществе модерна и постмодерна острота ностальгических переживаний служит ориентиром в понимании и корректировании направления социального развития.

Фронтирная природа ностальгической памяти заключается в «размещённости» ностальгических образов прошлого на периферии памяти и создании таким образом «переходной», «пограничной» зоны экзистенциальных переживаний, актуализирующих для социального субъекта другой социокультурный порядок, символически ассоциируемый с пережитым прошлым. Ностальгия порождает импульс к преобразовательному действию, а не служит пассивным хранилищем образов прошлого. Боль тоски по утраченному возникает в момент столкновения социального субъекта с конфронтацией должного и сущего, побуждая субъекта установить подлинное положение вещей. С другой стороны, символический предел, создаваемый ностальгическим экзистенциалом, не может быть преодолен, ностальгическая тоска обращена к безвозвратно завершённому, не подлежащему восстановлению мифологическому прошлому. Методологическая апелляция к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и антропологии И. Канта позволяет удерживать во внимании коренную суть обостряющегося ностальгического чувства у человека – интуитивное ощущение необратимости хода жизни.

Типологизация проявлений ностальгии в культуре может быть осуществлена, исходя из характеристик ностальгирующего субъекта. В исследованиях ностальгической памяти можно вести речь о четырёх уровнях представленности ностальгии в культуре: индивидуальном, групповом, национальном и общечеловеческом. Анализ феноменов современной культуры, прежде всего, в области искусства, позволяет эксплицировать ключевые особенности ностальгии как формы памяти: экзистенциальное схватывание бытия в ностальгическом переживании, не нарративный, символический, мифологический характер, устремлённость к метафизической подлинности, невозможность возвращения к объекту тоски и обращённость к будущему, трансцендирование границ индивидуального бытия.

Ностальгические образы, ранее постмодернистски обыгрывавшие индивидуальную тоску по прошлому во всех жанрах массового и элитарного искусства, теперь маркируют протестное отношение социальных групп (коллективного социального субъекта) к происходящему в экономической и политической реальности. Ностальгические переживания прослеживаются как в усилившихся экстремистских настроениях, так и в ответных идеологических и психологических интенциях противостояния радикализации общественных настроений. Обострившийся интерес к собственному историческому прошлому является и выражением запроса на переосмысление социокультурной идентичности, и точкой отсчёта в выборе стратегий будущего развития обществ.

Отмечаемые в современных сообществах ностальгические практики могут быть рассмотрены как закономерное усиление развивавшейся в культуре модерна и постмодерна мировой тенденции к мифологизации прошлого в общественной психологии, а также как попытка сохранения культурной аутентичности и безопасности в глобализованном пространстве угроз.

Символы возврата к прошлому обыгрываются акторами современного информационного пространства как в позитивной, так и в негативной коннотации. «Многосценарность» конструкта прошлого позволяет вычленять в социальном опыте разнообразные векторы развития и нормативные ресурсы для их реализации. Сама ностальгия может быть как инструментом консервации существующего социального порядка, так и его изменения, проявляясь в форме статической или динамической модели переживания тоски по прошлому. Настоятельная необходимость научного анализа актуальных проявлений ностальгии в массовой культуре обусловлена их ролью в стабилизации общественных настроений, а также связью с реконструирующейся в условиях угрозы социальной солидарности культурной идентичностью социальных субъектов.

Список литературы

- Albrecht, G. A. (2019). *Earth Emotions. New Words for a New World*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/cornell/9781501715228.001.0001>
- Brauer, J. (2021). Nostalgie und heimweh. Zum politischen Gehalt von Heimatgefühlen [Nostalgia and homesickness. On the political content of feelings of home]. *Zeithistorische Forschungen – Studies in Contemporary History*, 18, 151–165. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok-2294> (In German)
- Urry, J. (1996). How societies Remember the Past. In Sh. MacDonald & G. Fyfe (Eds.), *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World* (pp. 45–65). Blackwell.
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2022). Компаративистский анализ трансформации алиментарного аспекта образа Чужого: 2018–2022 гг. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(3), 283–303. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436>
- Бауман, З. (2019). *Ретротопия* (В. Л. Силаева, Пер.). ВЦИОМ.
- Бойм, С. (2019). *Будущее ностальгии* (А. Стругач, Пер.). Новое литературное обозрение.
- Бунин, И. А. (1987). Антоновские яблоки. В *Собрание сочинений: В 6 томах* (Т. 2). Художественная литература.
- Зинченко, Н. (1967). Память. В Ф. В. Константинова (Ред.), *Философская энциклопедия: В 5 томах* (Т. 4, с. 202). Советская энциклопедия.
- Ивашевский, С. Л. (2022). Память о социальном порядке и порядок социальной памяти. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 1, 236–239.
- Калинин, И. (2010). Ностальгическая модернизация: Советское прошлое как исторический горизонт. *Неприкосновенный запас*, 6, 6–16.
- Кант, И. (1994а). Антропология с прагматической точки зрения (М. Левина, Пер.). В *Сочинения: В 8 томах* (Т. 7, сс. 137–376). Чоро.
- Кант, И. (1994б). О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира (Б. А. Фохт, Пер.). В *Сочинения: В 8 томах* (Т. 2, сс. 277–321). Чоро.

- Ковалёва, А. И. (2019). Разновидности социальной идентичности: Подходы к классификации. *Знание. Понимание. Умение*, 4, 89–103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7>
- Конт-Спонвиль, А. (2012). *Философский словарь* (Е. В. Головина, Пер.). Этерна.
- Лермонтов, М. Ю. (1984). *Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени*. Художественная литература.
- Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера*. Искусство-СПб.
- Морозов, С. И. (Ред.). (2011). *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина: Т. 1 (1870-1909)*. ИМЛИ РАН.
- Нефёдова, Л. К. (2019). Общность онтологических установок познания и искусства в культурном конфликте XVII века. В Д. М. Федяев (Ред.), *От онтологии к философии культуры: Монография*. Издательство ОмГПУ.
- Ницше, Ф. (2005). О пользе и вреде истории для жизни. В *Полное собрание сочинений: В 13 томах* (Т. 1, сс. 85–171). Институт философии. Культурная революция.
- Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти (М. Сокольская, Пер.). В *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* (сс. 391–402). Новое литературное обозрение.
- Ойзерман, Т. И. (2009). Кантовская концепция пространства и времени. *Кантовский сборник*, 1, 7–19. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1>
- Пруст, М. (1999). *По направлению к Свану* (Н. М. Любимова, Пер.). Амфора.
- Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение* (И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, & Г. М. Тавризян, Пер.). Издательство гуманитарной литературы.
- Рягузова, Е. В. (2019). Память Другого или другая память: Социально-психологический анализ. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 19(1), 61–66. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>
- Семененко, И. С. (2020). Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: Нарративы и ориентиры. *Дневник Алтайской школы политических исследований*, 36, 23–31.
- Ульрих, П., & Троицкий, С. А. (2019). Сложность «границ»: Постановка проблемы, терминология и классификация. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4.2, 234–256. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10035>
- Фокина, П., & Сыроватко, Л. (Ред.). (2021). *Бунин без глянца. Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира»*.
- Хайдеггер, М. (2013). *Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество* (В. В. Бибихин, А. В. Ахутин, & А. П. Шурбелев, Пер.). Владимир Даль.
- Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память (М. Габович, Пер.). В *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* (сс. 16–50). Новое литературное обозрение.
- Чеснокова, Л. В. (2022). Тоска по дому и тяга к странствиям как два полюса человеческого бытия. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 4, 65–70. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-65-70>
- Шушанашвили, Г. (1960). Граница. В Ф. В. Константинова (Ред.), *Философская энциклопедия: В 5 т.* (Т. 1, с. 402). Советская энциклопедия.
- Элиаде, М. (1999). *Очерки сравнительного религиоведения* (В. Р. Рокитянский, Пер.). Ладомир.

References

- Albrecht, G. A. (2019). *Earth Emotions. New Words for a New World*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/cornell/9781501715228.001.0001>
- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2022). A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary Aspect of the Other's Image: 2018-2022. *Journal of Frontier Studies*, 7(3), 283-303. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436> (In Russian).
- Bauman, Z. (2019). *Retrotopia* (V. L. Silaeva, Trans.). VTSIOM. (In Russian).
- Boym, S. (2019). *The future of nostalgia* (A. Strugach, Trans.). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Brauer, J. (2021). Nostalgie und heimweh. Zum politischen Gehalt von Heimatgefühlen [Nostalgia and homesickness. On the political content of feelings of home]. *Zeithistorische Forschungen – Studies in Contemporary History*, 18, 151-165. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok-2294> (In German)
- Bunin, I. A. (1987). Antonovskie yabloki. In *Sobranie sochineniy: in 6 volumes* (Vol. 2). Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Chesnokova, L. V. (2022). Homesickness and Wanderlust as Two Poles of Human Existence. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnie issledovaniya*, 4, 65-70. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-65-70> (In Russian).
- Comte-Sponville, A. (2012). *Philosophical Dictionary* (E. V. Golovina, Trans.). Eterna. (In Russian).
- Eliade, M. (1999). *Essays in Comparative Religious Studies* (V. R. Rokityanskiy, Trans.). Ladimir. (In Russian).
- Fokina, P., & Sirovatko, L. (Eds.). (2021). *Bunin bez glyantsa*. Gruppa Kompaniy "RIPOL klassik" / "Pal'mira". (In Russian).
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory (M. Gabovich, Trans.). In *Commemorating the war 60 years later: Russia, Germany, Europe* (pp. 16-50). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Heidegger, M. (2013). *Basic concepts of metaphysics. The world - finitude - loneliness* (V. V. Bibikhin, A. V. Akhutin, & A. P. Shurbelev, Trans.). Vladimir Dal'. (In Russian).
- Ivashevsky, S. L. (2022). The Memory of Social Order and the Order of Social Memory. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 236-239. (In Russian).
- Kalinin, I. (2010). Nostal'gicheskaya modernizatsiya: Sovetskoe proshloe kak istoricheskiy gorizont. *Neprikosnovenniy zapas*, 6, 6-16. (In Russian).
- Kant, I. (1994a). Anthropology from a pragmatic point of view (M. Levina, Trans.). In *Works: in 8 volumes* (Vol. 7, pp. 137-376). Choro. (In Russian).
- Kant, I. (1994b). On the form and principles of the sensually perceived and intelligible world (B. A. Focht, Trans.). In *Works: in 8 volumes* (Vol. 2, pp. 277-321). Choro. (In Russian).
- Kovaleva, A. I. (2019). Kinds of Social Identity: Approaches to Classification. *Knowledge. Understanding. Skill*, 4, 89-103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7> (In Russian).
- Lermontov, M. Yu. (1984). *Stikhotvoreniya. Poemi. Maskarad. Geroy nashego vremeni*. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiospheres*. Iskusstvo-SPB. (In Russian).
- Morozov, S. I. (Ed.). (2011). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina: Vol. 1 (1870-1909)*. Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Nefedova, L. K. (2019). Obschnost' ontologicheskikh ustanovok poznaniya i iskusstva v kul'turnom konflikte XVII veka. In D. M. Fedyaev (Ed.), *Ot ontologii k filosofii kul'turi: Monografiya*. Izdatel'stvo OmGPU. (In Russian).
- Nietzsche, F. (2005). On the benefits and detriments of history for life. In *Complete Works: in 13 volumes* (Vol. 1, pp. 85-171). Institute of Philosophy Cultural Revolution. (In Russian).
- Nora, P. (2005). World Celebration of Memory (M. Sokol'skaya, Trans.). In *Commemorating the war 60 years later: Russia, Germany, Europe* (pp. 391-402). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Oiserman, T. I. (2009). Kant's concept of space and time. *Kantian Journal*, 1, 7-19. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1> (In Russian).
- Proust, M. (1999). *Towards Swan* (N. M. Lyubimova, Trans.). Amfora. (In Russian).
- Ricœur, P. (2004). *Memory, history, oblivion* (I. I. Blauberg, I. S. Vdovina, O. I. Machul'skaya, & G. M. Tavrizyan, Trans.). Izdatel'stvo gumanitarnoy literaturi. (In Russian).
- Ryaguzova, E.V. (2019). Memory of the Other or the Other Memory: The Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 19(1), 61-66. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68> (In Russian).
- Semenenko, I. S. (2020). Politika pamyati v Evrope i evropeyskaya politika pamyati: Narrativi i orientiri. *Dnevnik Altayskoy shkoli politicheskikh issledovaniy*, 36, 23-31. (In Russian).
- Shushanashvili, G. (1960). Granitsa. In F. V. Konstantinova (Ed.), *Filosofskaya entsiklopediya: in 5 volumes* (Vol. 1, p. 402). Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Ulrich, P., & Troitskiy, S. (2019). The Complexity of "Borders": Research Agendas, Terminology and Classification. *Journal of Frontier Studies*, 4.2, 234-256. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10035> (In Russian).
- Urry, J. (1996). How societies Remember the Past. In Sh. MacDonald & G. Fyfe (Eds.), *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World* (pp. 45-65). Blackwell.
- Zinchenko, N. (1967). Pamyat'. In F. V. Konstantinova (Ed.), *Filosofskaya entsiklopediya: in 5 volumes* (Vol. 4, p. 202). Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).